

Ци Цзин подумал о памятнике.

О памятнике на могиле дедушки Шень Яня.

Ци Цзин вспомнил, что в тот день, когда Шень Янь повел его прибраться на могиле старшего родственника, он взглянул на надпись на могильном камне. На нем были написаны имена всех членов семьи, но не хватало одного имени – «Шень Янь».

А еще он подумал о том фотоальбоме.

В нем не было ни одной фотографии Шень Яня в раннем детстве.

На всех снимках, которые там были, рядом с Шень Янем стоял только пожилой мужчина, а мальчик на фото не улыбался никогда.

- В детстве... я жил не в очень хорошей обстановке... - Потому, что я хочу кое-что преодолеть.... - А если на самом деле эти вещи окажутся тем, что бы ты не хотел знать, все точно будет в порядке?

Внезапно он понял все эти фразы.

- Ах, - с губ Ци Цзина сорвался тихий вздох. К тому времени, как он это понял, что-то уже капнуло из его глаза и упало на тыльную сторону ладони, которой он зажимал себе рот.

Тихий, бормочущий, умоляющий голос того человека снова отдавался у него в ушах. В голосе слышался оттенок безумия, тревога в нем звучала почти постыдно.

Ци Цзин, не уходи. Ци Цзин, что мне сделать, чтобы ты больше нуждался во мне? Ци Цзин, во время этого прослушивания... Я хочу, чтобы ты услышал все.

- Потому, что только так... ты сможешь стать целым, - от печали голос Ци Цзина сорвался, и он не смог закончить фразу вслух.

Последний кусочек головоломки, тот, над которым Ци Цзин думал дольше всего, самый невыносимый кусочек... В конце концов, этот человек сам решил доверить его Ци Цзину.

Ци Цзин больше не мог сказать ни слова.

В конце концов он понял, почему.

В конце концов он понял, почему даже когда они были ближе всего друг к другу, этот человек

не мог забыть о своих тревогах.

Невысказанное прошлое, спрятанное между словами, вонзилось Ци Цзину в сердце, словно удар ножа. Стеклянная стена между ним и Шень Янем рухнула – теперь он мог протянуть руку, схватить этого человека, но сначала ему пришлось ощутить боль от осколков стекла, врезающихся ему в кожу.

Оказалось, что с самого начала единственным слушателем во всей аудитории был только он один – так Шень Янь хотел ему признаться.

- Ах... – не в силах вдохнуть, Ци Цзин подавил всхлип. Плечи у него все еще дрожали, он сильнее зажал рот рукой, стараясь из всех сил не дать тому человеку услышать его рыдания. Теперь, когда он понял более глубокий смысл этих фраз, страдание, которое только что открыл ему Шень Янь, воткнулось в него как шило, распахнуло врата его чувств и оставило его неспособным сдержать слезы, которые с каждым мгновением текли все сильнее.

Было так же, когда он смотрел фильм на занятии по медиа в университете.

У фильма был тяжелый и мрачный сюжет, от просмотра у него упало настроение и возникло чувство подавленности, но не до такой степени, чтобы счесть себя несчастным. Но когда он позже узнал, что сюжет фильма не был выдуман, и это был документальный фильм, показывавший реальную жизнь, ужасную боль, которую он испытал, описать было невозможно, словно жестокий удар в грудь.

А сейчас.

Два человека, один – вымышленный, другой – реальный, две их истории слились в одну через эти реплики и эту тяжесть... он не мог вынести.

Слезы были единственным способом скинуть с себя этот сокрушительный вес.

- Хватит... Шень Янь, хватит. Я уже понял, не продолжай, не надо... – тихо охрипшим голосом умолял Ци Цзин, надеясь, что на этом выступление закончится.

Но выступление шло своим чередом.

- Брат, – Ци Цзин услышал в наушниках холодный суровый голос; в отличие от обычно спокойного и собранного [Хоу Шуньяна] он походил на обоюдоострый меч, способный ранить как других, так и собственного владельца, – ты недооценил меня.

- Ах, – Ци Цзин, не осознавая того сам, широко распахнул глаза. Так как он играл [Императора Чана], то уделял особое внимание обращениям, которые употреблялись в репликах.

Тем более, что это был один из немногих диалогов из оригинального романа, сцена, в которой [Хоу Шуньян] наконец-то показал брату свои реальные чувства – сцена финального свержения императора. Предыдущий Сын Неба оказался в безвыходной ситуации и потерял рассудок перед своим младшим братом, который появился при поддержке мятежников. Император кричал и проклинал его и низкорощенную женщину, которая произвела его на свет. [Хоу Шуньян] лишь молча слушал его проклятия и хмурился.

[Император Чан] находился на последнем издыхании, он только что выкрикивал проклятия, но в следующий момент уже не мог отдышаться и вынужден был замолчать. И тут его гнев сменился печалью, и он перестал проклинать брата и начал проклинать самого себя за то, что этот ублюдок, брошенный предыдущим императором среди крестьян, так долго, целиком и полностью, обманывал его.

□Мы действительно верили тебе, считали, что ты верен Нам, не слушаешься Нас, не говоря уже о предательстве.□

□Брат, ты недооценил меня.□

В романе это была первая сцена, в которой [Хоу Шуньян] прервал слова императора.

Только что прозвучавшие оскорбительные слова пробудили старые горькие воспоминания, которые тот скрывал глубоко в душе. Десять лет он затачивал себя как клинок в армии и служил государству – и это похоронило его детскую боль надолго, так надолго, что, повзрослев, он почти уже и не помнил тех мрачно-серых чувств из прошлого.

После столь долгих лет эти чувства вытащил наружу его кровный брат, и [Хоу Шуньян] был потрясен, обнаружив, что серый цвет уже превратился в черный – зловещий черный оттенок.

В это время губы у микрофона слегка скривились, издав короткий смешок, лишенный яркости истинной улыбки.

- На самом деле ты ничего обо мне не знаешь... - с точки зрения тона эти две реплики очень хорошо совпадали с первой сценой, которую он изменил.

Такие же холодные.

Так же наполненные ненавистью.

Но совпадение не всегда было благом.

Возможно, из-за этого момента в чате, который уже какое-то время молчал, появилась одна строчка: «...Честно говоря, я не могу согласиться с Папой Котика».

Та, кто это написала, была фанатом-ветераном оригинального романа. Будучи заядлым читателем «Приказа покончить с небесами», она отлично разбиралась в репликах двух персонажей в этой сцене и знала изменения в их образе мыслей на протяжении всего романа как свои пять пальцев.

После того, как она заговорила, другие фанаты романа, думавшие так же, начали робко высказываться.

Слушатель 1: ...Честно говоря, я не могу согласиться с Папой Котика _(:з[]<)_

Слушатель 2: ...Честно говоря, я тоже. _(:з[]<)_

Слушатель 3: Как поклоннику романа мне сначала реально нравилось, как Папа Котика играл предыдущих персонажей, и я думал, что близость к оригиналу - его самая сильная и привлекательная сторона. Но сейчас я тоже хочу сказать, что вроде как чуть сожалею, что поддержал изменения, которые он внес в эмоции этого героя. []▽[]

.....

Для некоторых слушателей, которые не читали роман и пришли только оценить шоу актеров озвучания, подобные мнения практически не имели никакого смысла.

Впервые между сторонниками Папы[]Котика произошел конфликт.

Слушатель 4: Σ(°Δ °|||)[]Друзья с коментами выше, вы чего так говорите?! Я думаю, что эмоции тут и в первой сцене очень даже хорошо связаны, и первая сцена была такой захватывающей, такой реалистичной!!!

Слушатель 5: ДА-ДА-ДА, точно, хоть и не по роману, но меня так глубоко тронуло... ㄗㄗ[]ㄗㄗ

Слушатель 6: Ну что ж, такая трактовка конечно будет спорной...

Слушатель 1: Проблема не в погружении в персонажа, и не в том, что он отличается от романа. Проблема в как раз том, что после первой сцены должна произойти большая перемена, но он решил не менять настроение во второй сцене, поэтому и кажется, что персонаж не изменился... _(:з[]<)_

Слушатель 2: Со слезами на глазах соглашаюсь с комментарием выше! Чувства Хоу в начале и в конце романа разные, они развивались по ходу сюжета, а тут это изменение ушло и нельзя передать, как он постепенно менялся!!!

Слушатель 3: Эхх, «холодность» и «ненависть» должны были появиться в первый раз только тут, в заключении. Папа Котика полностью изменил первую сцену, так что теперь невозможно сравнить эти два отношения. Все это на самом деле – основное табу озвучки. Реально... сегодняшнее выступление Папы Котика – такое разочарование. [Я согласна с тем, что написали выше: первая сцена очень захватывающая, но только если слушать ее по отдельности. Если слушать эти две сцены вместе, то невозможно ощутить изменения в жизни этого человека]

.....

Ци Цзин вдруг вспомнил, что в этот момент в сцене [Хоу Шуньян] должен действовать: он хватает [Императора Чана] за грудки и швыряет его об стену. Такой сдержанный герой как [Хоу Шуньян] делает что-то подобное – это на самом деле показывает, что он близок к тому, чтобы сойти с ума.

А затем Ци Цзин услышал одиночный звук – «БУХ»!

На самом деле это было не что-то, ударившееся о стену, а сильный хлопок по столу рукой. Хотя удар пришелся в стороне от микрофона, он был достаточно громким и тяжелым, чтобы заставить Ци Цзина вздрогнуть всем телом и на мгновение забыть, как дышать.

Когда Шень Янь стукнул кулаком о стол, удар пришелся рядом с лежавшей там пуговицей.

Но крепко сжатый кулак ничуть ее не коснулся.

– Ты, кто вырос в глубинах дворца, окруженный лишь роскошью... Ты понимаешь, что значит быть одиноким, нищим, без крыши над головой? – он задал этот вопрос слегка дрожащим голосом.

Точнее, он не задал вопрос, это верней можно было описать как «принуждение к ответу» – каждое слово звучало строго и было полно угрозы.

Ци Цзин, не выдержав, отшатнулся. Это была подсознательная реакция. Хотя он знал, что эти слова были адресованы не ему, но все равно их злоба и тяжесть обрушились на Ци Цзина, не давая ему шевельнуться на том месте, где он сидел. Неважно, обращены ли они были к [Императору Чану] или к кому-нибудь другому – услышав такой вопрос, никто не смог бы не остаться спокойным.

С самого начала второй сцены и до этого момента всем, кто присутствовал на соревновании,

казалось, что они ходят по лезвию ножа. Чем сильнее звучала ненависть в этом голосе, тем глубже лезвие вонзалось в их ноги, которые шагали к острию, ведомые этим звуком.

В тот момент, когда Шень Янь вытащил из ножен этот подавляющий тон, казалось, что все слушатели скользнули к кончику клинка, не зная, когда тот поднимется, чтобы нанести им смертельный удар...

И все же Шень Янь остановился. Он начал быстро дышать, как будто изо всех сил пытался подавить свои эмоции.

Так он ничего не говорил в течении двух-трех секунд.

Несмотря на то, что раньше слушатели разошлись во мнениях, они все равно были захвачены таким напряженным исполнением. Все затаили дыхание, боясь упустить хоть одно мгновение.

У Ци Цзина в груди тоже колотилось сердце, а пальцы слегка дрожали.

- Шень Янь... Поторопись... - его взгляд не отрывался от неуклонно уменьшающегося числа на таймере, он был не в силах собрать ни единой мысли, не в силах вытереть полусохшие следы на щеках, его виски покрылись каплями холодного пота.

Вероятно, это поняли далеко не все слушатели: из-за того, что Шень Янь изменил общий тон первой сцены, ему пришлось замедлить речь, чтобы воплотить это чувство печали, и реплики, которые изначально должны были быть закончены раньше, заняли больше времени. Вот почему, когда он начал вторую сцену, у него осталось уже очень мало времени, и если он продолжит так затягивать...

- Тебе не хватит времени, - сердце Ци Цзина находилось в полном раздрае, он не выдержал и произнес это вслух.

Но, к всеобщему удивлению, в этот момент Шень Янь внезапно длинно втянул воздух, что прозвучало похоже на вздох, а еще - немного на всхлип.

Доминирующее гнетущее настроение, которое только что наполняло сцену, вдруг начало крошиться, как медленно осыпающаяся куча песка - этот человек в конце концов начал терять силы и не мог выносить все это и дальше.

Через мгновение ощущение ходьбы по лезвию ножа исчезло - ноги слушателей снова оказались на земле, с них как будто сняли тяжелые оковы, и все неосознанно вздохнули с облегчением.

- Можешь ли ты понять... каково это - никогда не иметь возможности признать свою плоть и кровь?

Его голос был очень низким, звучал подавленно. После горестного плача он стал еще более хриплым, зазвучал еще горше, когда он это говорил, и тем более – он колебался, произнося эту фразу.

Но даже так это звучало сходно с предыдущей репликой, все равно это оставалось допросом для другого человека.

Теперь ненависть ушла. Или, скорей, это была не ненависть, теперь это больше походило на чувство поражения, он хотел ненавидеть, но не мог... а еще в этом было... некое чувство освобождения.

На мгновение Ци Цзин потерял ощущение того, как колотится сердце в его груди. Оно исчезло, замороженное между всхлипами этого человека, отдававшимися в ушах.

Все изменилось.

Все реплики, все подсказки для второй сцены опять были опровергнуты.

□Ты, кто вырос в глубинах дворца, окруженный лишь роскошью... Ты понимаешь, что значит быть одиноким, нищим, без крыши над головой?□(вопросительный тон)

□Можешь ли ты понять... каково это – никогда не иметь возможности признать свою плоть и кровь?□(вопросительный тон углубляется, резкость растет)

А дальше было –

□Верно, что ты – единственный член моей семьи в этом мире, но в глубине души я до смерти тебя ненавижу –□

Тон во всех этих репликах был связан друг с другом, явно клонясь в сторону «нарастания ненависти».

Но Шень Янь полностью это опроверг.

– Верно... в глубине души, я до смерти тебя ненавижу... – его голос дрожал, как и рука, сжатая в кулак на столе, он не мог стать еще больше хриплым. Он вдруг разжал ладонь, нащупал пуговицу, лежавшую сбоку, торопливо сжал ее в руке, словно хватаясь за свое спасение. Только тогда он наконец усмехнулся. – Но ты – единственный член моей семьи в этом мире.

– Вот почему я все еще не в силах отмстить тебе и бросить тебя, нисколько о тебе не заботясь.

Это и было его опровержением.

Видно было, как зловещие тучи надвигающейся бури медленно рассеиваются, разлетаются в стороны и пропускают солнце.

Публика погрузилась в тишину.

Ци Цзин услышал, как он тяжело вздохнул, и испуганно моргнул. Весна наступила слишком внезапно. Что-то оттаяло в его глазах и таяло с каждой секундой все быстрее, вот-вот собираясь пролиться.

В этот момент в наушниках он услышал мягкий смешок того человека, спокойный и тихий.

Но еще удивительней этой перемены были следующие слова:

- Это все. Я останавливаюсь здесь.

Останавливаюсь здесь? Что он имеет в виду, говоря «останавливаюсь здесь»?

Это предложение в конце концов сломало тишину в чате, полностью его шокировав.

Слушатель 1: QAQ!!!

Слушатель 2: QAQ ...Что за «останавливаюсь здесь»???

Слушатель 3: QAQ Ты собираешься сказать что-то такое, когда мои глаза прямо сейчас полны слез? Папа Котика!

Слушатель 4: QAQ ...Мои глаза так сильно болят! ...Второй части я не выдержала! ...Мое лицо залито слезами!..

Слушатель 5: QAQ Опровержение Папы Котика было слишком неожиданным, это было просто гениально!!! Я вообще не ожидала!!! Не останавливайся!!! Я тебя умоляю!!!

Слушатель 6: QAQ Нееееееет! Не останавливайся здееееееесь!

.....

- Я знаю, что у меня недостаточно времени, - голос Шень Яня вернулся к своему естественному состоянию, только теперь зазвучав похоже на пляж, омываемый теплым океаном, неопишимо спокойным и нежным. - С самого начала я собирался закончить только первые две сцены.

Этих двух сцен было достаточно. Шень Янь опустил глаза, глядя на руку, державшую пуговицу.

- Я с самого начала планировал отказаться от этой роли - приношу свои извинения, я снимаюсь с соревнования.

Все слушатели на мгновение остолбенели, а к тому моменту, когда они пришли в себя, чат превратился в хаос.

Слушатель 1: [▽] НEEEEEEEEЕТ!!!!!!

Слушатель 2: [▽] Сняться с участия? Папа Котика, не делай этого!

Слушатель 3: [▽] У меня сердце вотпрямщас разбилося, мне так плохо!!!!

.....

- Мне очень жаль, - тихо извинился Шень Янь. Однако он не собирался менять свое решение. - Я знаю, что пошел против подсказок для актеров, против оригинального романа - это табу в мире актерского озвучания, поэтому я не имею права продолжать.

Сказав это, он, напротив, слабо усмехнулся.

- Я прошу прощения, просто для одной этой роли... Я хочу попросить всех простить мне мой эгоизм, и позволить мне думать о себе только один этот раз. Лишь в этот раз я играю только для себя, выступаю для себя, отказавшись от самых фундаментальных правил озвучания и всеобщих ожиданий в отношении меня... Но я об этом не жалею.

Публика постепенно успокоилась, все слушали его речь со смешанными чувствами. Поскольку он рано снялся с соревнования, у него еще оставалось немного времени.

Шень Янь опустил голову, погладил пальцем пуговицу на ладони. Она тихо мерцала в свете экрана.

- Есть человек, - вдруг сказал он, - человек, который... позволил мне сделать первый шаг, дал

мне возможность перебороть страх и записаться на это соревнование. Этот человек сегодня здесь.

У Ци Цзина слегка приоткрылись губы, но, не в силах произнести ни слова, он подавился всхлипом.

В этот момент Шень Янь уже обращался к нему:

- Ты здесь? Я знаю, что ты здесь, потому что ты всегда рядом со мной.

- Мм, - Ци Цзин прикусил губу, невнятно отвечая компьютеру.

Слезы, которые он раньше сдерживал, опять вышли из-под контроля и беспрерывно катились по щекам, падая одна за другой на клавиатуру.

- Я хочу сказать тебе, - тихо произнес Шень Янь, - что без тебя меня бы здесь не было, не говоря уже о том, чтобы закончить эти две сцены так, как я хотел. Думаю, что ты уже понимаешь... почему я так поступил. Я не знаю, что ты об этом думаешь, я даже гадать не смею.

Он заколебался, его голос понизился и стал еще более хриплым.

- Может быть, ты очень разочаруешься, может быть, ты пожалеешь, что был со мной... или что-то такое... Но...

Ци Цзин, не смея пошевелиться, затаил дыхание.

Время на таймере уже подходило к концу - шли последние пять секунд.

- Но, - слова, произнесенные глубоким и хриплым голосом Шень Яня, пришли к нему из наушников, и каждое из них было наполнено чувствами, - прошу тебя, останься со мной и будь со мной до конца.

Он опустил голову, одновременно поднимая руку и прижался губами к пуговице в благоговейном поцелуе.

- Я люблю тебя.

Примечание автора.

┌┐┌ Я действительно хочу обнять Папу Котика, но вс равно оставлю его, чтобы обнять 2Яня.

А еще я нисколько не жалею о том, что придумала вот такой сюжет.

<http://bllate.org/book/13906/1225631>